

## О войне и политике

Гурко С.Л., ИФ РАН, [sgourko@gmail.com](mailto:sgourko@gmail.com)

**Аннотация:** Утверждение о том, что «война есть продолжение политики» уместно обратить, рассмотрев политику как приостановленную войну. Возможности политизации участников исторического процесса меняются в соответствии с развитием технологий. Настоящее видится как развилка, допускающая как движение к большей свободе и большей сложности, к поиску форм сосуществования возрастающего множества субъектов политики, так и редукцию к более простым формам зависимости, со всё усиливающимся преобладанием экономических отношений.

**Ключевые слова:** политика, война, экономика, технология, свобода

---

Понятие войны и многочисленные образы, заимствованные из военных практик, образуют одну из наиболее популярных тематических групп в повседневной речи. Все ещё помнят, как на полях велась «битва за урожай», медики всё ещё ведут «наступление на рак», «война полов», правда, после успехов эмансипации нечасто заявляет о себе сводками с поля боя, но зато политика сплошь раскрашена «тактическими отступлениями», «перегруппировкой сил» и «прорывами». При этом психолог напомнит нам, что «игра в войну» воспроизводится в каждом поколении детей повсеместно, историк заметит, что реальные военные действия идут то в одной, то в другой части света на протяжении всей известной истории практически непрерывно, а этолог мягко намекнёт, что агрессия — один из базовых инстинктов у млекопитающих. И в довершение всего выступит философ и с примечательной горячностью заявит, что «война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей (δίκη), и что все возникает через вражду»<sup>1</sup>. И очень нескоро после того появятся мыслители, которые будут настаивать на том, что природа разума — согласие, а следовательно, растрачивать человеческие силы на взаимоистребление противно разуму.

И всё же, если отвлечься от многочисленных иносказательных употреблений слова «война», наиболее наглядной остаётся связь войны и политики, недаром профессиональный военный одарил нас чёткой формулировкой: «Война есть только продолжение политики другими средствами»<sup>2</sup>, «(ИМЕННО: НАСИЛЬСТВЕННЫМИ)» — добавляет профессиональный революционер<sup>3</sup>. Как будто в мирное время политика обходится вовсе без насилия! Но для чего на фоне столь внушительной традиции приписывания войне статуса то ли антропологической, то ли даже вовсе онтологической постоянной, создавать это алиби, выводя генеалогию войны из политики?

---

<sup>1</sup> *Гераклит*. Фрагменты, 28 (80 DK) (а) // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Издание подготовил А.В. Лебедев. М.: «Наука», 1989. — С. 201

<sup>2</sup> *Клаузевиц К.* О войне. М.: «Логос»; «Наука», 1994. — С. 55.

<sup>3</sup> *В.И. Ленин*. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // *В.И. Ленин*. ПСС. М.: «Издательство политической литературы», 1969. Т. 26. — С. 316.

Понятие политического возникает из опыта жизни античного полиса (πόλις). Однако делу организованного истребления себе подобных человечество предавалось задолго до эпохи полисов, по крайней мере, такова правдоподобная реконструкция на основе данных полевых антропологических исследований. Так что родство должно бы быть признано скорее обратным: политика — обузданная, или, вернее, приостановленная война. Политика появилась как умышленно культивируемое искусство<sup>4</sup> дружелюбного<sup>5</sup> сосуществования в сложном, структурно неоднородном социуме<sup>6</sup>. Недаром по Шмитту специфика политического коренится в возможности конструирования оппозиции «друг — враг», не сводимой к иным дистрикциям. То есть в отличие от Гоббсова суверенитета, конституируемого логически необходимым *полным* отказом индивидов от свободы на *условиях* безопасности, политическое Шмитта описывается лишь как одна из форм человеческого существования, которой обуславливается возможность государства. Причем эта форма, являясь самостоятельной, не определяется иными формами, такими как экономическая, или этическая, но и сама не определяет их. Любая иная актуализации упомянутой оппозиции «друг — враг» помимо государственной (например, экономическая по сути стратегия выбора «полезных друзей») представляется несобственной. То есть, государство работает как механизм вытеснения вражды вовне: уместной враждой может быть лишь вражда между государствами.

Непричастные политическому искусству (по своей воле или в силу обстоятельств — всё равно) в классическую эпоху безоценочно именовались идиотами (ἰδιώτης) в сравнительно безобидном смысле «частных лиц», противопоставляемых в соответствующих контекстах городу, должностному лицу, военачальнику, профессионалу, образованному, философу, и так далее<sup>7</sup>, что и является причиной укоренения нынешнего универсально снижающего значения слова идиот. Военные умения, наряду с прочими полезными навыками были, таким образом, необходимой частью воспитания именно свободных и полноправных граждан полиса. К ним же относились и описания соответствующих добродетелей. От раба не ожидают, например, проявлений мужества, как от свободного, каковым он возможно был до своего пленения, когда подобные этические предписания могли к нему относиться. Как аккуратно выражается Аристотель: «одно мужество свойственно начальнику, другое — слуге»<sup>8</sup>. Но тогда война — дело свободных людей: «свободные же люди ... пригодны для политической жизни, а эта последняя разделяется у них на деятельность в военное и мирное время»<sup>9</sup>. Впрочем, в от-

<sup>4</sup> «Рассудительность в делах государства (πολιτικὴ φρόνησις)» — Аристотель. Никомахова этика, Z, VIII // Философы Греции, М.: «ЭКМО-Пресс», 1999. — С. 915.

<sup>5</sup> «Мы же полагаем, что дружелюбные отношения — величайшее благо для государств» — Аристотель. Политика, II, 1, 16 // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. — С. 408.

<sup>6</sup> «Ведь по своей природе государство представляется неким множеством.» — Аристотель. Политика, II, 1, 4 // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. — С. 404.

<sup>7</sup> См. URL:  
<http://logeion.uchicago.edu/index.html#%E1%BC%B0%CE%B4%CE%B9%CF%8E%CF%84%CE%B7%CF%82>.

<sup>8</sup> Аристотель. Политика, I, 5, 8 // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. — С. 400.

<sup>9</sup> Аристотель. Политика, I, 2, 14 // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. — С. 384.

чаянные моменты в экипажи кораблей брали не только свободных<sup>10</sup>. Относительно же основных своих противников греки придерживались иного мнения: «не могут люди, выросшие в рабстве и никогда не знавшие свободы, доблестно сражаться и побеждать» — возглашал Исократ<sup>11</sup>. И в самом деле, важнейшие сражения Александр Македонский провел против значительно превосходившего числом противника и победил, на различие в поведении на войне греков и варваров указывают многие авторы, так Плутарх, описывая первое столкновение при Гранике, отмечает, что «неприятель сопротивлялся слабо и недолго; все, кроме греческих наемников, обратились в бегство»<sup>12</sup>.

Тогда, может быть уместно будет сказать, что наряду с войной, органически связанной с политикой и свободой, которую мы назовём для краткости «п-войной», есть иная форма войны, связанная с рабством. Назовем ее «э-войной», полагая соответствующей ей не идею политического, но идею экономического существования, и помня о первоначальном смысле слова «экономика» — искусство управления хозяйством (от οἶκος и νόμος), в котором значительную роль играют домочадцы, лично не вполне свободные, или несвободные вовсе, рабы, ибо «власть господина в семье — монархия»<sup>13</sup>. При этом не будем забывать, что основным источником добывания рабов была именно война, ведь говорит же Аристотель: «что же касается науки о приобретении рабов..., то она отличается... являясь чем-то вроде науки о войне или науки об охоте»<sup>14</sup>, полагая, видимо, сходными правила приобретения добычи на войне и на охоте. С другой стороны, перед военным триумфатором открываются политические перспективы. Возможно, правильнее будет говорить, что две формы войны сосуществуют в едином событии, смешиваясь в различных пропорциях. Военный успех политизирует победителей, военная неудача ввергает пораженных в экономическое состояние, в пределе — отправившийся на войну свободный гражданин может в результате её оказаться в положении раба, но возможно и обратное движение — участвовавший в битве раб мог в награду получить свободу. Труднообъяснимые поражения многочисленных, но немотивированных армий случались ведь не только во времена Дария III, но и в гораздо более близкую нам эпоху. И примеры переломов в ходе войны при изменении её характера в направлении «п-формы», и примеры «политизации» армии-победительницы, превращающейся в проблему для центральной власти, несложно отыскать в отечественной истории.

Но тогда, как это ни огорчительно, придётся предположить, что для того, чтобы политика была возможна, война — необходима. Вопрос можно ставить только о преобладающей форме войны и её локализации. Исократ в «Филиппе» ведь по-сути призывает греков политизироваться, покончить с внутренними распрями и перенести войну вовне: «Афины смогут сохранять состояние мира только в том случае, если крупнейшие

<sup>10</sup> «Когда в те дни снаряжали триеры, матросов набирали из ксенов и рабов» — Исократ. О мире, 48 // Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М.: «Наука», 1994. — С. 190.

<sup>11</sup> Исократ. Панегирик, 150 // Ораторы Греции. М.: «Художественная литература», 1985. — С. 58.

<sup>12</sup> Плутарх. Александр, 16 // Квинт Гораций Руф. История Александра Македонского. М., «Издательство МГУ», 1993. — С. 385.

<sup>13</sup> Аристотель. Политика, I, 2, 21 // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. — С. 384.

<sup>14</sup> Аристотель. Политика, I, 2, 23 // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. — С. 387.

государства решат, прекратив междоусобицы, перенести войну в Азию»<sup>15</sup>. Роль временного военного вождя, предводителя дружины может превратиться в устойчивый статус лидера политической элиты только в условиях его постоянной занятости, или, по меньшей мере, при постоянной военной угрозе — всё равно подлинной или мнимой, но одинаково требующей готовности к войне. Речь, таким образом, всегда идёт о власти, как тогда, когда нас призывают смириться с большим уровнем собственного порабощения, чтобы повысить эффективность военной машины экономического типа, так и тогда, когда нас призывают решиться на возрастание собственной ответственной вовлеченности, а значит и свободы — ради усиления военной машины политического типа. Для частного лица, или, говоря проще — идиота (в исходном смысле слова) рациональный выбор стратегии должен бы определяться следующими двумя факторами. Во-первых, следует попытаться оценить, какого типа военные машины нынче предпочтительны, опять ли «удача на стороне больших батальонов» или уже вновь пора воевать «не числом, а умением»? А во-вторых, не забывать критически оценивать источник этих призывов. Так, если к героической самостоятельности призывает власть, до того систематически постулировавшая безусловный приоритет государственных интересов перед частными, то можно не сомневаться, что вашу попутно обретенную свободу после постараются отнять, даже если к вам и обратились не как к подданным, а как к «братьям и сестрам». И если на вашей непреложной обязанности отправиться воевать куда-нибудь в Алжир настаивают те, кто только-что декларировал ценности свободы, то этой участи можно и нужно избегать.

Но ведь формы войны неоднократно менялась на протяжении истории. Война могла быть делом узкого круга экономически мотивированных профессионалов (и римские легионы перемалывали любого противника), могла быть свободным выбором политически активных масс (и такие же легионы уничтожались подчистую в Тевтобургском лесу). Иногда исход решало наскоро обученное, но зато многочисленное насильственно собранное ополчение, а иногда успех сопутствовал компактному войску, применяющему передовые военные и социальные технологии (достаточно вспомнить принципы доукомплектования македонских фаланг в азиатском походе). Вероятно, эти перемены обуславливались усвоением технологических инноваций в продуктивной, военной и социальной сферах, которые, в свою очередь, были не вполне зависимы друг от друга. Технологический переход от бронзы к железу позволил благодаря значительно большей доступности сырья вооружить значимо большее число воинов, а при переходе от власти царей к полисной демократии (другая социальная технология) появилась возможность собирать масштабируемое в широких пределах войско из персонально мотивированных воинов (в сравнении с этим ядро войска Спарты, состоявшее из собственно спартиатов, сохраняло практически неизменную численность, определявшуюся фактически социальным устройством Спарты). Распространение огнестрельного оружия свело со сцены высокопрофессиональную феодальную кавалерию, но затем доступность и эффективность его резко повысила автономность личности, недаром именно Сэмюэлу Кольту приписывают суждение: «Добрые люди в этом мире слишком

<sup>15</sup> *Исократ. Филипп // Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М.: «Наука», 1994. – С. 216.*

недовольны друг другом, а мои изделия отлично их мирят». Развитие средств массовой информации дало государству средства управления мотивацией, но в «глобальной деревне» средств информации слишком много, чтобы их можно было все взять под контроль. Чрезмерная разрушительность ядерного оружия и чрезвычайная наукоёмкость современных военных технологий постепенно подводит нас к рубежу, за которым старинная игра в «политиков» и «идиотов» будет невозможна. Уже больше полувека воевать с применением всех доступных средств не решается никто, и уже почти столь же давно эффективность противостояния сравнительно малочисленных групп крупным государствам приняла пугающие формы международного терроризма. Так что, если не включать в военные планы идею коллективного всеобщего самоубийства (для которого средств достаточно, по крайней мере, с шестидесятых годов прошлого столетия), то пришло время для выхода за пределы диалектической конструкции, связывающей войну, политику и экономику. С одной стороны, идиотизм, то есть выбор жизни частного лица, будет становиться всё менее приемлемым по мере того, как развитие технологий будет снижать объективную потребность в этих не склонных к самодеятельности представителях неполитизированной периферии. С другой стороны, технологии же облегчают и сам процесс политизации (тут всё: от доступности средств публичного высказывания в современных электронных средах до распространения профессий, практически не привязывающих человека к географическому региону, а следовательно ослабляющих контроль над ним территориальных властей). Однако, есть опасение, что обеспечение мирного сосуществования большого числа политических субъектов — задача едва ли не более сложная, чем организация малым числом воинственных политиков условий для сравнительно безопасного прозябания в разной мере поработанных жертв экономики.

Увеличение *абсолютной* эффективности оружия приводит к уменьшению *относительного* количества убитых (число убитых атомной бомбой в XX веке значительно меньше числа убитых ударом дубинки или мачете). Разум, собственно, развился в процессе адаптации нашего вида к условиям опасной среды при недостатке исходных биологических средств защиты. Биологи давно отметили, что стычки тяжеловооруженных хищников, таких как волк, или ворон, не влекут за собой гибели проигравшего, тогда как животные, менее приспособленные убивать, например, олени или голуби, забивают соперника насмерть. Упование на прекращение войн силой разума опасно тем, что предполагает отказ от субъектности, и в конце концов ведёт человечество к «человейнику». Этот термин, предложенный Зиновьевым, описывает гипотетическое будущее состояние человеческого общества, характеризующееся практически неограниченной продолжительностью устойчивого самовоспроизводства, сравнимой с выдающимся результатом, демонстрируемым общественными насекомыми. Но в отличие от муравейника, появившегося в ходе долгой биологической эволюции, «человейник» может быть исторически быстро построен путем систематической всеобъемлющей рационализации жизни представителей нашего вида при помощи достижений новейших технологий, в первую очередь — информационных. Обитатель «человейника» предполагается полностью лишенным личностных характеристик, вполне определяясь своим местом в экономической иерархии, то есть является полной противоположностью воинственного «политического животного» Аристотеля. Войны, как столкновения воли, в такой

конструкции, разумеется, невозможны, что вовсе не означает прекращения насилия, просто насилие осуществляется в рамках полицейских операций. Этой антиутопической картине «экономизации» мира можно противопоставить лишь проект его «политизации», то есть громадного увеличения числа субъектов, способных на автономные действия. Возможно, такой грядущий мир, населённый сплошь «политическими субъектами», будет весьма жесток по меркам привычного нам «гуманизма». Практика XX века отучила нас от использования этого термина, но всё же лишь немногочисленные радикалы позволяют себе открыто заявлять о неприятии таких, например, ценностных представлений, как необходимость заботы о слабых — детях, стариках, больных, беженцах, и так далее, так что позволим себе упоминать «гуманизм», хотя бы и в кавычках. Но если однажды мы перестанем друг друга убивать, то никак не от внезапно воцарившейся всеобщей любви, а от эволюционно подкреплённой осторожности<sup>16</sup>. Вопрос только в том, будут ли поспевать за технологическим развитием этические навыки. Мы всегда были «обезьяной с гранатой», но баланс глупости, трусости, любопытства и нахальства, именуемый разумом, пока удерживал нас от того, чтобы истребить собственный вид. Бог даст, мы и впредь будем хотя бы столько же «разумны». Необходимость всеобщего мира будет осознана (будем на это надеяться) только тогда, когда появится действительная возможность войны всех против всех.

---

<sup>16</sup> «Общество врагов, соблюдающих правила вражды, устойчивее общества друзей, нарушающих правила дружбы» — *А. Зиновьев*. Глобальный человек. М.: «Эксмо», 2006. С. 19.